

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Епатко Татьяны Александровны «РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ “КОНЬ” В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КУБАНСКО-ГО КАЗАЧЕСТВА», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Детальное исследование на концептуальном уровне крайне важного фрагмента кубанского лексикона представляется весьма насущной задачей, при том, что изучение регионального компонента на Кубани является весьма сложной задачей, поскольку исторически здесь сосуществует совокупность генетически разнородных явлений, своего рода сложный феномен, по-разному классифицируемый в исторических, этнографических, диалектологических, региональных исследованиях. Действительно дихотомия **конь/лошадь** существует в русском языке уже несколько веков. Причем, по мнению С.И. Коткова, дифференциация слов **лошадь** ('тягловое животное') и **конь** ('верховая лошадь') в большей последовательности, чем в севернорусских, наблюдается в памятниках южновеликорусской письменности в XV в. По мнению Г.Ф. Одинцова, слово **лошадь** известно на Севере и в Поволжье в XVI-XVIII вв. Первоначально оно бытует в Ростово-Суздальской земле, юго-западной сторожевой окраиной которой в XII-XIII вв. была Москва. Превращение слова **лошадь** из диалектного в общенародное происходит в XV в. Таким образом, анализ лексических манифестаций данного концепта, вскрытие общенародной доминанты, выявление общеказачьих единиц и узкорегionalных является вполне важной и нужной задачей. Исходя из этого, не вызывает сомнений **актуальность** исследования, обусловленная обращением к раскрытию региональных особенностей языкового сознания кубанского казачества.

Материалом исследования послужили единицы лексико-фразеологической системы русского языка и кубанского диалекта как одной из его составляющих, при том что кубанские говоры представлены южнорусской и украинской языковой основой. Основные данные были

почерпнуты из лексикографических источников: словарей русского языка, а также словарей кубанских говоров.

Бесспорна **научная новизна данной работы**, заключающаяся в разработке методики изучения регионально-специфичного концепта, применение которой заключается в выявлении специфических признаков понятийного, образного и ценностного компонентов национально-культурного концепта; представлен первый опыт комплексного лингвистического анализа языковых средств, репрезентирующих концепт КОНЬ в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров.

Не вызывает также сомнений **теоретическая значимость** диссертации: уточняются следующие понятия: региональная языковая картина мира, «общенациональный концепт с региональной спецификой (регионально-специфичный концепт)». Предлагается методика анализа регионально-специфичного концепта; дополняются знания о ЯКМ кубанского казачества как составной части общенациональной картины мира.

Весьма обстоятельно разработаны **цели и задачи** работы, среди которых можно выделить следующие:

определить региональную кубанскую специфику концепта КОНЬ на основе анализа лексико-семантического поля (ЛСП) вербализаторов данного концепта как фрагмента поля вербализаторов общерусского концепта ЛЮШАДЬ;

выявить региональные особенности структурных компонентов концепта на основе сопоставительного анализа кубанских и общерусских фразеологических микротекстов, включающих элементы ЛСП вербализаторов концепта;

исследовать региональные особенности структурных компонентов концепта на основе анализа кубанских фольклорных песенных текстов, включающих элементы ЛСП вербализаторов концепта.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений. В основной части работы приводится 21 таблица.

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, определяются объект, предмет и материал исследования, формулируются его цель и задачи, раскрываются его новизна, теоретическая и практическая значимость, указываются используемые в работе методы, выдвигается гипотеза исследования, излагаются выносимые на защиту положения.

В 1-й главе «Теоретические основы исследования» рассматриваются значимые для данной работы понятия: «ЯКМ», «региональная ЯКМ», «фольклорно-языковая КМ», «общекультурный концепт», «регионально-специфичный концепт», «фольклорный концепт», «концептуализация», «ЛСП вербализаторов концепта», – дается характеристика материала исследования, описывается методика анализа регионально-специфичного концепта. Констатируется, что не только для каждого национального языка, но и для диалекта как его разновидности, характерно возникновение этнокультурных коннотаций, поэтому общекультурные концепты могут обладать региональным своеобразием, которое выражается в уточнении существенных признаков концепта.

Во 2-й главе «Лексико-фразеологическая репрезентация концепта ЛОШАДЬ в общерусской ЯКМ и концепта КОНЬ в региональной ЯКМ кубанского казачества» на основе анализа лексики и фразеологии русского языка в целом и кубанского диалекта в частности рассматриваются общность и различия представлений о лошади / коне русского народа и кубанского казачества. Отмечается, что в кубанском диалекте основная смысловая нагрузка сосредоточена на лексеме **конь**, которая является значительно более частотной в кубанской фразеологии, обладает более широким семантическим потенциалом и словообразовательными возможностями, чем другой репрезентант концепта – лексема **лошадь**.

3-я глава «Репрезентация регионально-специфичного концепта КОНЬ в кубанском фольклоре (на материале кубанских казачьих песен)» посвящена описанию структурно-семантических характеристик кубанского фольклорного концепта КОНЬ, вербализованного в текстах кубанских казачьих песен. Делается вывод, что на уровне текстов народных песен ключевые слова концепта – лексемы конь и лошадь – являются полными синонимами, способными к взаимозаменяемости, но большими семантическими и словообразовательными потенциями обладает численно преобладающая лексема конь, которая является именем концепта в картине мира кубанского казачества. Об актуальности концепта КОНЬ в кубанской фольклорно-языковой картине мира свидетельствует высокая частотность имени концепта, лексемы **конь**, в текстах песен (присутствует в 347 песенных контекстах из общего объема исследованных текстов (около 930 страниц)).

Результаты исследования, отражены в **Заключении**, в котором весьма интересны следующие положения.

В работе была разработана и апробирована методика изучения регионально-специфичного концепта, которая направлена на выявление регионального своеобразия концепта и отличается от традиционных методик тем, что предполагает создание и анализ лексико-семантического поля вербализаторов концепта, содержащего не только общерусский, но и региональный компоненты, изучение региональных фразеологических контекстов с элементами этого поля (на фоне общерусской фразеологии), а также анализ региональных фольклорных песенных текстов, включающих элементы поля вербализаторов.

Результаты комплексного концептуального анализа говорят о том, что в картине мира кубанского казачества концепт КОНЬ является одной из базовых ценностных констант. Конь, сопровождавший казака от рождения до самой смерти, играл огромную роль в его жизни: вместе с казаком он пере-

носил все тяготы военной службы, спасал своего хозяина от гибели в бою, был его преданным другом и в мирной жизни.

Отмечается высокая степень актуальности, ценностной и коммуникативной значимости концепта в региональной языковой картине мира. Об этом свидетельствует, во-первых, значительный количественный состав вербализаторов в региональном фрагменте исследуемого лексико-семантического поля (503 лексических единицы); во-вторых, приращение номинативной плотности концепта за счет региональных наименований, составляющее 37 лексических единиц; в-третьих, активное использование ассоциативного потенциала репрезентантов концепта **КОНЬ** для именования других объектов и явлений действительности и, как следствие, наличие кубанских оригинальных метафор.

Таким образом, диссертационное исследование Т.А. Епатко представляет собой работу, выполненную на высоком научном уровне, с оригинальной трактовкой рассматриваемых проблем. Выводы опираются на обширный фактический материал с обобщением опыта предшествующих исследований. Можно констатировать, что заявленные цели и задачи исследования успешно выполнены.

Однако по тексту диссертации можно высказать некоторые соображения, а также замечания, как общего, так и частного характера.

1. Автор рассматривает происхождение слова **конь**, используя вторичные версии, тогда как полные варианты этимологического анализа остаются вне сферы внимания. Ср., например: Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках (М.: Изд-во АН СССР, 1960), о наименованиях лошади см. с. 47-60. См. также работу: Ф. Безлай «Etimološki slovar slovenskega jezika» (Т. II: К-0. Ljubljana, 1982), где подтверждается традиционная связь слова **конь** с др.-русск. **комонь**. Весьма интересны также материалы «Этимологического словаря белорусского языка», «Етимологічного словника української мови» где авторы находят сопоставления **конь/комонь** на славяно-балтийской почве. См. так-

же: «Этимологический словарь славянских языков», где слово **конь** сопоставляет с кельт. *konko- 'конь' (ЭССЯ, 10, 197-198);

2. Автор утверждает, что концепт **КОНЬ** является концептом, в котором региональная специфика проявляется уже на уровне имени концепта: в ЯКМ русского народа это лексема лошадь, в региональной ЯКМ кубанского казачества доминирует слово конь (стр. 56). Однако, на наш взгляд, однозначное решение вряд ли возможно. Так, например, даже на синхронном срезе явно различима их дифференциация. К тому же, в диахронии их взаимосвязи могут быть различны, поскольку лексикон в целом редко бывает статичен, а его части всегда находятся в динамическом развитии. Например, в Словаре Академии Российской (1814 г.) единицы **лошадь** и **конь** представлены как полные синонимы, например: **Конь**. Тоже, что лошадь. И далее **лошадь** имеет следующее толкование: Equus caballus. Конь; животное четвероногое, всем известное, подъяремное, имеющее твердые нераздельные копыта; употребляемое как для верховой езды, так и в упряжке и для перевозу тяжестей.

Однако в БАС эти единицы семантически дифференцированы:

Лошадь. Крупное домашнее однокопытное животное из сем. лошадиных, ходящее в упряжи или под седлом (БАС).

Конь. Лошадь (преимущественно о самце; слово в этом значении обычно употребляется в среде военных, в коннозаводческой практике, а также в речи с оттенком торжественности, поэтичности и т. п.) (БАС). А если речь пойдет о взаимосвязях этих единиц в региональных вариантах русского литературного языка, то картина также будет явно не однородной. Причем, фиксация слов **конь** и **лошадь** статистически не кардинально различна: 25 тысяч и 29 тысяч (по словарной базе А.А. Бурыкина).

3. Автор довольно тщательно анализирует материал, но в редких случаях возможна корректировка некоторых сопоставлений. Например: «В исторических толковых словарях, а именно в СлРЯ XI-XVII вв., СРЯ XVIII в. и в Словаре Даля присутствует еще один лексико-семантический вари-

ант с ключевой семой 'водяное животное'. Однако в словарях, отражающих лексику более позднего времени, этот ЛСВ отсутствует» (стр. 65). Это не совсем так, ср., например в БАС: **конь...** 4. Спец. Конь морской. То же, что конек (1. Конек в 3-м знач.) (БАС, 5, 1372). Причем в СЛРЯ XI-XVII вв. дано следующее толкование: **Конь...** 4. С определением. Название гиппопотама. Конь водяной, морской. *В реке видели есмы четыре коня морских, зубрам нашим подобообразные величиною и шерстью.* Х. Рад., 113. 1628 г.

4. Опора в работе на тезаурусный словарь В.И. Даля значительно облегчила выборку общенародной доминанты и сопровождающих ее диалектных маргиналий, автор отмечает, что в кубанских говорах отмечено 37 именуемых коня ЛСВ, отсутствующих в Словаре Даля, однако встает вопрос о месте этих единиц в общерусской макроструктуре и в региональных микроструктурах, например, лексема **машта'к**, о которой пишет Т.А. Епатко, фиксируется в БАС, что делает её как бы единицей литературного русского языка, однако, по существу, она фиксируется в источниках казачьих авторов, например: **Машта'к**, м. Небольшая плотная лошадь; иноходец. *Маштак пошел ровной, спорой иноходью, покачивая человека, взбивая под копытами прохладную утреннюю пыль.* Серафимович (Ясн. Утром). *Под копытами маштака хрустел подорожный ледок, пар сносился ветром от конских ноздрей назад, инеем оседал на гриве.* Шолохов (Тих. Дон) (БАС). Материалы СРНГ, как раз, подтверждают широкое распространение в казачьих регионах этой лексемы, причем даже в купированном виде, поскольку СРНГ словарь дифференциального типа и не включает в свой словник лексико-семантические варианты, зафиксированные в БАС.

Машта'к, а, м. 1. Кастрированный жеребец. Енот. Астрах., 1854. Астрах., Дон., Терек. Раньше маштак, а теперь мерин. Чкал. Краснояр., Кизляр. Даг. АССР. // Рабочая лошадь. Уральск., Тр. МДК. // Упряжной коренастый конь. Дон., 1897. 2. Порода низких степных лошадей. Кизляр. Даг. АССР, 1966. 3. Жеребенок по третьему году. Юго-вост. Кубан., 1949-1951.

Как видно из иллюстраций эта лексема представлена в большинстве казачьих говоров.

5. Автор довольно подробно и обстоятельно анализирует работы по осуждаемым или затрагиваемым в диссертации проблемам. В целом библиография отражает многообразие работ по анализируемым вопросам. Однако непонятно отсутствие в списке таких источников, которые могли бы дать дополнительные сведения.

1. Словари, в которых репрезентируется казачий лексикон.

Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград, Издатель, 2011.

Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. Оренбург, Издательство ОГПУ, 2010.

Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002-2003. Т. 1-4.

Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929.

Словарь русских народных говоров, в 52-х томах которого представлено 1377 фиксаций слова **конь** и 2226 фиксаций лексемы **лошадь**; около 2-х тысяч географических помет – **Кубан.**(ское).

2. Некоторые работы по гиппологической лексике

Одинцов Г.Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М.: Наука, 1980.

Химик В.В. Лошадь или конь? (Опыт сравнительного лексикографического анализа) // Уральский государственный педагогический университет. Филологический класс. 2014. № 2 (36). С. 68-72.

Высказанные замечания носят, в основном дискуссионный характер и никоим образом не снижают высокой научной оценки диссертации, а ее новизна, актуальность, теоретическая и практическая значимость не вызывает ни малейших сомнений. В целом выводы и результаты, полученные в ходе работы не вызывают ни малейших сомнений. Материа-

лы диссертации имеют практическую значимость и могут быть использованы при разработке вузовских курсов по лексикологии, лингвокультурологии, диалектологии, лингвофольклористике, в организации спецкурсов и спецсеминаров.

Содержание исследования отражено в 10 публикациях, в том числе в 3 статьях, входящих в список, рекомендованный ВАК Минобрнауки РФ. Автореферат и опубликованные автором работы с достаточной полнотой отражают содержание диссертации. Диссертационное исследование Т.А. Епатко «Региональная специфика концептуализации понятия “конь” в языковой картине мира кубанского казачества» представляет собой законченное научно-квалификационное сочинение, в котором выполнен требуемый комплекс научных исследований. Диссертация отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям в соответствии с пунктами 9, 10 «Положения о присуждении учёных степеней», утвержденным постановлением Правительства РФ 24.09.2013 г. № 842 (в последней редакции), а её автор заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Доктор филологических наук, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.01 – русский язык, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Института Славяноведения РАН, член-корреспондент РАН

Сергей Алексеевич Мызников

109125 г. Москва,
Волжский бульвар д. 13., кв. 40.
Тел.: 8 (950) 014-01-63
18.01.2022 г.